

Виктор Воронов
РАСТАВАНИЯ...
И
ВСТРЕЧИ

ЧЕРЕМХОВО
ЧИКОЙ
ЧИТА

БАЙКАЛ
ИРКУТСК
БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ
МОСКВА
ПУСТОШКА
ПОВАРОВКА

Виктор Васильевич Воронов

Расставания...и встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17860380

Расставания... и встречи: 2011

ISBN 978-5-98597-216-0

Аннотация

Эта небольшая книга о расставаниях... и встречах автора с дорогими ему людьми – родителями, родственниками, друзьями, товарищами, коллегами, земляками...

Содержание

ОТ АВТОРА	4
РАССТАВАНИЯ... И ВСТРЕЧИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Воронов

Расставания... и встречи

ОТ АВТОРА

Эта небольшая книга – скромная дань памяти моим родителям:

– народному учителю – Евдокие Ефимовне Швецовой – моей маме, воспитавшей не только нас – троих своих сыновей и воспитывавшей не только своих внуков, внучек и правнучек, а давшей «путёвку в жизнь» со школьной скамьи сотням и сотням юношей и девушек, а также своевременно поддержавшей в начале нелёгкого пути на самом трудном, но благодарном педагогическом поприще – в школе десятки своих коллег-учителей;

– отцу – Воронову Василию Георгиевичу – фронтовику, ветерану Великой Отечественной войны, директору промхоза в селе Черемхово и директору зверохозяйства в г.Борзя Читинской области,

а также многим другим, кто, к сожалению, уже ушёл в мир иной...

Автор

РАССТАВАНИЯ... И ВСТРЕЧИ

*Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда большие спешить...*

(Н. Руммер)

Разумом понимаешь, что такое расставание с родителями в жизни неизбежно и всё равно хочешь, чтобы оно было как можно позднее...

Само это расставание не является одномоментным процессом, а происходит длительное время. По сути, оно начинается когда мы «выпархиваем из родительского гнезда» в самостоятельную, как нам кажется, а скорее ещё и не совсем и не во всём самостоятельную жизнь. Так и я уезжал в своё время учиться в институт, а затем после его окончания начал работать вдали от родителей, в других городах и даже в другой области.

Помню, что в начале обучения – после переваривания нахлынувшей в городе новизны – мне страшно захотелось назад, домой – почему-то одолевала тоска. И хотя всё вроде бы было в порядке – и в институте, и в общежитии, а вот что-то было тоскливо. И скрывая это, приехал на ноябрьские праздники домой, в Черемхово. Немного отошёл, оттаял. Мама, конечно, всё поняла, но правильно сделала, не дав мне «рас-

киснуть», а с большой настойчивостью проводила меня на продолжение учёбы и обретение своего пути в жизни. Какого? – тогда ещё не было чётко видно, но своего, другого, определённым первым отрезком которого, несомненно, являлись черемховские детские годы в родном Забайкалье...

Подобное повторилось при начале работы после окончания института. Тоже всё было вокруг незнакомым. Захотелось это бросить и уехать к родителям в Борзю, где была небольшая передвижная механизированная колонна (ПМК) – единственная строительная организация, где можно было бы работать по приобретённой профессии инженера-строителя. Здесь же, в Шелехове был настоящий строительный размах! Это-то удержало и повело дальше по жизни – уже более самостоятельно.

А сколько же переживаний из-за нас – братьев, находящихся вдали от дома было у мамы и отца? Невозможно, наверное, даже представить. И лишь в строчках и между строчками их писем можно теперь уже самому умудрённому жизненным опытом это прочесть и прочувствовать. Мамино «Живи умнее. Не допускай никаких глупостей. Будь самим собой!» сопровождало меня от письма до письма, а затем уже и при разговорах по обыкновенным, а позднее мобильным (сотовым) телефонам.

Разве можно чем-то измерить переживания матери, провожающей сына в незнакомый город на переполненном автобусе, который раз в день ходил до ближайшей железнодо-

рожной станции, расположенной за двести пятьдесят километров!

Или позднее в Борзе, посадив меня в самолёт АН-24, у которого при прилёте почему-то не заглушались двигатели, а лётчики, несмотря на неисправность, решились сразу на обратный рейс, отец долго переживал пока дождался моего звонка о благополучном приземлении в Чите.

Таких расставаний-прощаний, к сожалению, и одновременно к счастью, поскольку они были не последними и за ними следовали новые встречи и общения – устные, письменные, телефонные, мысленные, было немало.

Были и тяжёлые расставания после последних прощаний с отцом и братом, а также в случаях, когда самочувствие мамы оставляло желать лучшего.

Но каждое из этих расставаний несло лишь тот объём горечи и тоски, который мог быть переварен водоворотом дальнейших событий и ритмом нашей жизни. И мы расставались и снова встречались, встречались и снова расставались в Черемхово, Борзе, Иркутске, Москве и Поваровке. Из этих, как и из других мгновений – хороших и плохих и состоит вся наша жизнь.

...Всякий раз по дороге на работу, делая в метро переход со станции «Тургеневская» на станцию «Чистые пруды», взгляд невольно зацеплял вывеску «Авиакассы». Здесь мною обычно приобретались билеты на самолёты при поездках в командировку и отпуск, а также покупался билет в Иркутск

после первого маминогo инсульта. Естественно, это служило лишним напоминанием о возможно предстоящей и необходимой поездке к маме.

Тогда же после интенсивного лечения в больнице, я застал её, накануне 8 марта, хоть и больную, но самостоятельно передвигающуюся по квартире. Врачи, брат, невестки и племянники сделали для этого очень много, постоянно дежуря по очереди круглые сутки в её палате. Теперь мне предстояло хоть ненадолго их заменить уже дома, дав им возможность немного отдышаться.

Положение было непростое, а количество закупленных лекарств и рекомендаций врачей было внушительным и потребовало даже составления своеобразного журнала-графика для контроля и отметок (утром, вечером, днём, до еды, после еды и т. п.).

И хотя это отнимало немало времени, всё же не это было страшно. Страшно и неудобно было наблюдать за самочувствием больного человека и тем как он спит. И спит ли или уже... Просыпаясь ночью в соседней комнате, прислушивался к неровному, а порою даже тяжёлому маминoму дыханию, которое иногда надолго задерживалось и было еле слышно, но к радости, вновь было громким и самого страшного тогда не случилось.

Бывали, конечно, и всякие непредвиденные моменты, связанные с реакцией на приём большого количества антибиотиков, неожиданные её ночные бодрствования и многое

другое. За эти беспокойные и с большим недосыпанием дни, поневоле почти приобрёл квалификацию медбрата или медсестры, изучил многие медицинские тонкости и со знанием дела мог беседовать с врачами, мамой и родственниками.

Улетал в Москву, не будучи очень-то уверенным в скорейшее мамино выздоровление. Но, к счастью, прилетев летом обнаружил большое её продвижение вперёд в части восстановления многих утраченных при болезни функций. Она категорически отказалась от приглашённой нами помощницы, сама измеряла себе давление, сама контролировала приём лекарств, что-то уже готовила себе на кухне, а позднее стала даже писать. Снова прошли с ней обследования, многих врачей и достигнутыми результатами удивили лечащего её в больнице врача, которая даже не ожидала такого прогресса. Но маму это не устраивало – она чувствовала и знала то, что у неё не получается или чего она вспомнить не может. И это её раздражало и расстраивало. А наши слова о том, что и так много лучше стало, ею воспринимались даже с обидой. Она хотела быть полноценным человеком, как и до первого инсульта.

Часто в разговорах при моих редких приездах в Иркутск она произносила: «А куда же нам таким (больным и немощным, по-видимому, подразумевалось) деваться?». Я успокаивал, что надо жить и радоваться всему жизнью предоставляемому, любому движению, чувству, эмоции...

На следующий год снова маме пришлось полежать в боль-

нице – уже профилактически, так как резко «скакнуло» давление. И с этого времени слово «больница», и так не пользующееся у неё большим уважением, стало совсем невосприимчивым. Ни о какой очередной «больничной профилактике» нельзя было вести речи. Стали «агитировать» на совместное пребывание со мной и женой в одном из ближних к Иркутску санаториев и даже забронировали номера.

К сожалению, не успели – случился второй инсульт и очень тяжёлый. Лечили там же и те же врачи, что и после первого инсульта. Потянулись бесконечные дни и недели круглосуточных дежурств, приёма лекарств и процедур. Не помогали даже самые новейшие и сильные препараты, массажи и всё подобное. Они лишь способствовали продлению жизни, но восстановить речь, ассоциативные связи и устранить парализацию правой половины организма не смогли. И хотя по приезду я жал мамину руку, чувствовал её казалось ответное пожатие, смотрел в её уставшие от мучений глаза, но до конца так и не понимал – узнала ли она меня. Наверное, узнала и тихо наблюдала за нами за всеми, собравшимися как и в прежние времена в её квартире, где среди старых и новых вещей она бережно сохраняла память о нашем детстве – четырёхтомник любимого Аркадия Гайдара, детские фотографии и наши школьные тетрадки, а также трогательные самодельные подарки и письма своих учеников из разных мест, где она преподавала русский язык и литературу, была завучем и директором вначале восьмилетней, а затем

средней школы в селе Черемхово Красночичкойского района Читинской области. Здесь же мы сидели всего каких-то чуть более двух месяцев назад, первого мая и обсуждали различные новости. Она всегда была и хотела быть в курсе всех событий не только в доме, в городе, в стране, а и во всём мире. Под тихую музыку песен военных лет и вальса «На сопках Маньчжурии» в исполнении любимого ею Дмитрия Хворостовского, она погрузилась в сон, который, как позднее стало ясным, оказался на медицинском языке «комой». А к вечеру другого дня случилось то самое страшное – чего все мы боялись и всячески старались отодвинуть – последний её вздох и крик-стон известили об уходе в иной мир...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.